

Подобные всемирно известные концерты должны посещать все отпрыски великих кланов — если не в качестве участников, то хотя бы в роли зрителей. Исключением был лишь Чэн Чэ, который прежде относился к классической музыке с таким откровенным отвращением, что предпочёл не ехать.

Цинь Цинъюэ занял первое место, так что неудивительно, что Лю Цзин запомнила его лицо, однако у самого Цинь Цинъюэ о ней осталось лишь самое смутное впечатление. Ничего не поделаешь: до соревнований он почти ничего не знал о Великих кланах, а после победы его стали наперебой превозносить все кому не лень, и молодые наследники один за другим предлагали дружбу. Он ведь не какой-нибудь небожитель с абсолютной памятью, чтобы сразу и навсегда запомнить всех подряд.

Поэтому Цинь Цинъюэ лишь догадывался, что эта яркая девушка с утонченными манерами — наверняка кто-то из аристократок, а судя по её непринужденности, с Чэн Чэ они были знакомы весьма близко. Цинь Цинъюэ невольно подумал о тех излюбленных банальных сюжетах про клановые браки по расчету и невест, отчего на сердце у него скребли кошки.

Назло всему этому Чэн Чэ выглядел донельзя беззаботным: хотя он и назвал девушку ласковым прозвищем, в его поведении не было ни капли двусмысленности. Удивленно моргнув, он даже спросил:

— Ты чего это вдруг пожаловала?

— Тетя сказала, что у тебя тут весело, вот и отправила меня развлечься.

Чэн Чэ совершенно привычным жестом провел Лю Цзин в оранжерею, чтобы продолжить прерванное чаепитие. Цинь Цинъюэ оставалось лишь последовать за ними, мысленно ворча: да уж, веселее некуда, явилась еще одна особа, которая будет отвлекать Чэн Чэ от занятий музыкой.

Впрочем, куда важнее было то, что она нарушала их уединенные и счастливые часы вдвоем.

— Ах да, заодно захватила тебе пригласительный, — Лю Цзин с наслаждением отхлебнула черного чая и извлекла на свет божий две изящно оформленные карточки. — На этот раз Собрание Великих кланов принимает наш дом. Кузен, тебе на этот раз точно нельзя отлынивать.

Чэн Чэ бегло просмотрел приглашение, но отказываться не стал.

Само название Собрания Великих кланов говорило за себя: это были встречи, которые регулярно проводили Восемь Великих Кланов. Они служили прекрасным поводом для поддержания связей, и допускались туда исключительно отпрыски аристократии. Клан Барабана жил слишком далеко, так что в расчет его можно было не брать.

Подобные сборы делились на два типа. Первый — камерные мероприятия вроде нынешнего, которое проводил Клан Лю. Такие встречи устраивались часто: стоило паре-тройке кланов объединить усилия, и всё готово. Посещать их или нет — личное дело каждого, хотя, конечно, для самих знатных фамилий и их молодежи пользы от таких сходов было куда больше, чем вреда, так что все, у кого была возможность, охотно являлись.

Но где собираются люди, там неизбежны и интриги. Не каждый клан, в отличие от Клана Чэн, имел лишь одного прямого наследника — претендентов на главенство хватало в каждой семье. Собрания служили отличной возможностью обзавестись полезными союзниками. Чэн Чэ никогда не отличался особой проницательностью в таких делах, а на прошлых встречах за пару лет умудрился набить немало шишек, после чего просто завязал с их посещением.

Но на сей раз принимающей стороной выступал Клан Лю — родня по материнской линии, так что потерять лицо Чэн Чэ никак не мог. К тому же в следующий раз очередь дойдет до Клана Чэн, и как бы капризен ни был Чэн Чэ, отменить собственное гостеприимство он не имел права.

На такие сборы молодежь собиралась вместе, причем каждый участник мог прихватить с собой парочку друзей, в результате чего общая численность гостей в особняке какого-нибудь клана легко переваливала за несколько десятков человек. Масштаб мероприятия получался весьма внушительным.

Впрочем, по сравнению с другим типом собраний, это выглядело сущим пустяком.

Существовал еще один вид встреч — Большое собрание Великих кланов, которое проводилось раз в десять лет. Вот оно-то и могло кардинально изменить судьбу любого из кланов — именно та роковая встреча из первоначального сюжета привела прежнего владельца тела к гибели, но сейчас вдаваться в подробности не стоило.

О так называемых людях с высокими помыслами

— Ладно, обязательно приду, и еще кое-кого с собой захвачу.

Два пригласительных билета, принесенных Лю Цзин, предназначались для Чэн Чэ и Гу Чэня. Гу Чэнь терпеть не мог подобные сборища, и Чэн Чэ заранее чувствовал головную боль от предстоящих уговоров.

— Эй-эй! Кузен, брать с собой людей — ради Бога, только не тащи каких-нибудь скандалистов, — полушутя бросила Лю Цзин, но в ее голосе прозвучало вполне отчетливое предостережение: она явно давала понять, что не желает видеть прежних дружков Чэн Чэ, которые только и мечтали, что пробиться в высший свет за его счет.

Чэн Чэ постучал пальцами по чайному столику в знак протеста, а затем приподнял подбородок, указывая на сидевшего рядом и хранившего молчание Цинь Цинъюэ:

— Я возьму его.

— Господину Циньку, разумеется, мы всегда рады, — Лю Цзин слегка перевела дыхание, но, немного поколебавшись, напонила: — Только учти, старшая барышня из Клана Скрипки до сих пор сохнет по господину Циню.

Чэн Чэ не сразу сообразил, к чему клонит Лю Цзин, ведь Цинь Цинъюэ никогда не заводил об этом речи:

— М? Это та, у которой ужасная репутация и синдром принцессы?

— Ха, кузен, а ты сам-то с каких пор стал стесняться чужой дурной славы? — рассмеялась Лю Цзин. Помилуйте, репутация этой парочки стоила друг друга.

Под синдромом принцессы Чэн Чэ имел в виду Цзин Шуанъюэ — старшую барышню Цзин из Клана Скрипки.

В нынешнем поколении Клана Скрипки насчитывалось четверо законных наследников, и старшая барышня была одной из них — к тому же самой перспективной и одаренной.

В предыдущем поколении Клана Скрипки было три брата: глава клана, приходившийся Цзин Шуанъюэ отцом, занимал второе место. У старшего брата росли сын и дочь — парень обладал заурядными способностями, а девушка уже вышла замуж и потеряла права на наследство; у отца Цзин Шуанъюэ была только она одна; а у младшего брата имелись братья-близнецы, прославившиеся своими совместными выступлениями, хотя талант каждого из них по отдельности всё же немного уступал таланту Цзин Шуанъюэ.

Клан Скрипки отличался невероятным высокомерием и кичливостью, возведя классовое неравенство в абсолют. Они с презрением смотрели не только на простолюдинов, но и на всех, кто не принадлежал к числу Великих кланов. Даже Клан Барабана, занимавший последнее место среди восьми семей, они не удостоивали прямым взглядом. И во время недавней встречи, когда семь кланов приветствовали гостей из Клана Барабана, Клан Скрипки не упустил случая вставить пару язвительных шпилек, из-за чего Гу Чэнь ненавидел их лютой ненавистью. Больше всего же он, разумеется, жаловал Клан Фортепиано, к которому принадлежал Чэн Чэ.

Цзин Шуанъюэ унаследовала эту семейную черту в полной мере, да еще и «приумножила» ее. Она на дух не переносила электронные музыкальные инструменты, столь любимые Чэн Чэ, и критиковала его вкус даже жестче, чем супруги Чэн, которые вечно пилили сына за безнадёжность. Каждая их встреча неизменно заканчивалась ссорой, и, по правде говоря, нежелание Чэн Чэ посещать клановые мероприятия отчасти объяснялось именно нежеланием встречаться с Цзин Шуанъюэ.

За глаза их с Чэн Чэ частенько ставили в один ряд, называя двумя главными чудаками аристократии.

Впрочем, по мнению Гу Чэня, все эти желчные сплетни не стоили и выведенного яйца: разве мог такой замечательный человек, как Чэн Чэ, идти в сравнение с какой-то Цзин Шуаньюэ? В этом вопросе мнения Гу Чэня и Чэн Чэ вновь полностью совпали.

Клан Скрипки всегда ратовал за чистоту крови, и Цзин Шуаньюэ не была исключением. Услышав, что она положила глаз на Цинь Циньюэ, Чэн Чэ поначалу решил, что ослышался.

Стоило вспомнить, что, несмотря на весь свой блестящий талант, Цинь Циньюэ происходил из самых что ни на есть простолюдинов. Сама же Цзин Шуаньюэ объясняла это тем, что ее благородная и чистейшая кровь не убудет от одного-единственного союза, а выдающийся дар Цинь Циньюэ в игре на скрипке с лихвой окупает этот недостаток. Более того, отказываться войти в Клан Скрипки на правах зятя с его стороны было бы просто оскорблением для самой скрипки.

Впервые в жизни Чэн Чэ, Гу Чэнь и Цинь Циньюэ пришли к абсолютному единодушию: чертовы идиоты, держаться от этой помешанной психопатки нужно как можно дальше.

При этой мысли Чэн Чэ с унынием заглянул в панель заданий Системы. Пока они с Гу Чэнем вовсю предавались развлечениям, побочные квесты успели обновиться.

Побочное задание: Завести знакомство с дикарем. [Выполнено]

Побочное задание: Завести знакомство с человеком высоких помыслов. Человек высоких помыслов потому так и зовется, что превосходит остальных.

Увидев фразу человек высоких помыслов, Чэн Чэ внутренне сжался: он заподозрил, что речь идет о Цзин Шуаньюэ. Если так, может ли он отказаться от выполнения этого побочного квеста?! Но глядя на описание задания дальше, Чэн Чэ понял, что в упор не видит в Цзин Шуаньюэ ничего выдающегося! Разве что ее мастерство игры на скрипке выделялось среди сверстников.

Во всем виноваты чертовски туманные описания заданий!

В этот момент Мутуо неожиданно произнес загробным голосом:

— Высокие помыслы — это еще не значит высокомерие.

По дороге в фамильное поместье Клана Лю Чэн Чэ яростно теребил галстук Цинь Циньюэ и грозно шипел:

— Смотри мне, увидишь Цзин Шуаньюэ — даже не вздумай с ней здороваться!

В прекрасных глазах отражался только он один, и от этого у Цинь Циньюэ, чье настроение до того было испорчено, на душе вдруг стало удивительно легко.

— Хорошо, хорошо, — с улыбкой пообещал Цинь Цинъюэ, а затем, соблюдая взаимность, наставительно добавил: — Ты тоже держись подальше от своей кухни.

— Эй! О чем ты вообще думаешь! Мы с Цзинцзин кровные родственники, и любой дурак поймет, что между нами ничего быть не может!

Подобно родовому гнезду Клана Чэн, чьи крыши то утопали в горных туманах, то скрывались в зелени лесов, поместье Клана Лю примостилось на берегу живописного озера. Озеро в форме полумесяца нежно обнимало фамильные постройки. Стояла самая пора цветения, и берега были сплошь усыпаны незнакомыми цветами. Вспоминая, что Клан Лю славился искусством игры на арфе, Чэн Чэ никак не мог взять в толк, как в столь умиротворенной обстановке мог сформироваться такой жесткий и негибкий человек, как Лю Фуфэн.

Процессия Клана Чэн состояла из двух изящных экипажей. Гу Чэня, разумеется, сослали в одиночестве ехать сзади, а Цинь Цинъюэ, приглашенный в качестве спутника и гостя Чэн Чэ, ехал вместе с ним. Жаль только, что этот гость вел себя совсем не примерно.

— Мгм... Ты... — из глубины кареты донесся едва слышный прерывистый вздох, который трудно было расслышать, если не прислушиваться специально.

— Умница Чэ-эр, кто же виноват, что ты выглядишь так соблазнительно, м? — Цинь Цинъюэ с показной заботой понизил голос, но Чэн Чэ предпочел бы обойтись без такой заботы. Этот негодяй включал режим заботы исключительно тогда, когда творил всякие непотребства — как, например, сейчас.

Чэн Чэ попытался было возразить, что для столь официального мероприятия по умолчанию требовался строгий костюм, но Цинь Цинъюэ преподнес всё так, будто Чэн Чэ намеренно соблазняет его какой-то униформой, и в следующий миг снова наглухо запечатал его губы поцелуем.

Придерживая Чэн Чэ за затылок, Цинь Цинъюэ углубил поцелуй.

Стоило признать: только что связав себя клятвами, они переживали самый сладкий медовый месяц и были готовы проводить вдвоем каждую секунду, да только реальность рушила все планы. Мало того, что дома околачивался бесцеремонный Гу Чэнь, так еще не прошло и нескольких дней, как заявила эта кухня, для которой Чэн Чэ был родным человеком.

Дверь в музыкальную комнату запирать было нельзя: раньше они ее не закрывали, а если запереть сейчас, разве это не выглядело бы подозрительно? Обоим любовникам, терзаемым муками совести, приходилось тщательно скрывать любые малейшие улики. Днем предаваться страстям было нельзя, ночью — тем более. На втором этаже теперь жило слишком много людей, и в любой момент кто-нибудь мог зайти. Цинь Цинъюэ еще не был готов предстать перед четой Чэн, ведь попадись они с поличным — хорошего конца точно не жди.

Стоило лишь распробовать запретный плод, как пришлось снова садиться на жесткую диету. Цинь Циньюэ страшно голодал, и теперь пользовался любой возможностью, чтобы полапать Чэн Чэ. Вот и сегодня — впервые на моей памяти Чэн Чэ облачился в строгий костюм: белый парадный наряд подчеркивал его гибкую, стройную талию, от одного вида которой просто крышу сносило. Впрочем, Цинь Циньюэ и не пытался сдерживаться, поэтому, воспользовавшись тем, что в карете они были вдвоем, совершенно естественным образом пустил руки в ход.

Чэн Чэ шлепнул Цинь Циньюэ по руке, забравшейся ему на талию, а его голос, прозвучавший с легкой дрожью, был до предела соблазнительным:

— Циньюэ! Не наглей, мы почти приехали.

Цинь Циньюэ вовсе не был человеком, совсем не знающим меры, но всё же с явным сожалением огладил талию Чэн Чэ, после чего аккуратно разгладил складки на его одежде и позволил Чэн Чэ высвободиться из своих объятий.

Чэн Чэ метнул в Цинь Циньюэ сердитый взгляд, но в конце концов всё же сжалился:

— Младшая кузина вернулась домой, Гу Чэнь в этот раз тоже останется в Клане Лю. Завтра, когда вернемся назад, мы останемся вдвоем. Потерпи еще немного.

— Молодому господину Чэ лучше держать свое слово, — услышав это, Цинь Циньюэ просиял так, что Чэн Чэ едва ли не мгновенно пожалел о сказанном.

— Тц, веришь — нет, твое дело, — Чэн Чэ, казалось, сбежал в ужасе и выпрыгнул из кареты, едва та остановилась.

Верю, конечно верю. Раз уж слова слетели с губ, забрать их назад никому не позволено, — с улыбкой подумал Цинь Циньюэ.

Супругов Лю на месте не было.

Подобные собрания великих кланов, организуемые молодежью, старшие обычно не посещали, так что сейчас в усадьбе Клана Лю, кроме Лю Цзин, Лю Ли и слуг, никого не было. Клан Чэн и Клан Лю состояли вдалеке родственной связи по браку, поэтому Чэн Чэ нарочно приехал пораньше, чтобы помочь младшей кузине с приготовлениями.

Лю Цзин вернулась в Клан Лю еще несколько дней назад. На самом деле, кроме как встретить гостей, хозяйкам особо и делать-то было нечего: опытный управляющий прекрасно знал, что и к какому моменту должно быть готово. Но всё же Лю Цзин проводила собрание великих кланов впервые, поэтому неизбежно нервничала. Встретившая Чэн Чэ у ворот Лю Цзин заметила, что губы ее старшего двоюродного брата слегка покраснели и припухли, к тому же странно блестели. Одарив его подозрительным взглядом, она невольно подумала о том, что женская интуиция порой бывает поразительно точна.

— Мисс Лю, снова встретились, — Цинь Цинъюэ взял инициативу на себя, приветствуя ее и переключая на себя взгляд, которым Лю Цзин сверлила Чэн Чэ.

Лю Цзин ломала голову над тем, почему братец сам не спешит подать голос, а заговорил этот Цинь Цинъюэ. Впрочем, виду она не подала, обменялась с ними дежурными любезностями и тут же перевела разговор на Чэн Чэ:

— Братец, сегодня ты приехал очень рано.

— Кхм, угу, — голос Чэн Чэ за то время, пока Цинь Цинъюэ прикрывал его тылы, наконец-то почти восстановился. Он легко кашлянул, прочищая горло, и сбивчиво пояснил: — Просто встали слишком рано, я еще толком не проснулся.

Только тогда Лю Цзин успокоилась: она-то испугалась, что Чэн Чэ простудился, и ей было бы ужасно неловко заставлять больного человека помогать по хозяйству.

Все остальные, кроме компании Чэн Чэ, прибывали во второй половине дня: те, кто пораньше — как раз к полднику, а те, кто попозже — в аккурат к ужину. Чэн Чэ стоял у ворот, и Цинь Цинъюэ, разумеется, не имел права составить ему компанию: в конце концов, он не имел ни малейшего отношения к Клану Лю, а если бы кто-то снова заподозрил у него роман с Лю Цзин, оправдаться стало бы совершенно невозможно.

Издали показалась еще одна карета. Судя по гербу великого клана, это был Клан Эрху.

В этом поколении Клана Эрху право на наследование имели семеро человек. Да-да, у кланов Эрху, гуциня и бамбуковой флейты наследников традиционно всегда было больше, чем в остальных.

Самым вероятным претендентом считался младший сын младшего брата нынешнего главы клана — Лу Хаожань, самый младший ребенок в этом поколении Клана Лю, которому исполнилось восемь лет, на два года больше, чем Чэн Чэ. Остальные имеющие право на наследование члены Клана Лу, за исключением сына нынешнего главы Лу Синжаня, ничего из себя не представляли.

И всё из-за ограниченности таланта: даже талант Лу Синжаня уступал таланту Лу Хаожаня. Лу Синжаню было уже двадцать лет, но младший брат уже догнал его.

Первым из кареты Клана Лу вышел чрезвычайно заносчивый юноша. Его подбородок был слегка приподнят — пусть и не до такой степени презрения ко всем вокруг, как у Цзин Шуанъюэ, но всё же тип характера явно не из тех, что нравились Чэн Чэ. Опираясь на воспоминания прежнего владельца тела, Чэн Чэ предположил, что это, должно быть, Лу Хаожань, и с улыбкой направился навстречу.

Однако Лу Хаожань повел себя так, будто Чэн Чэ вовсе не существовало: совершенно не желая

проявлять хоть капельку уважения, он прошел мимо Чэн Чэ, кивнул Лю Цзин и скрылся внутри.

— ...Это! Еще! Что! Такое! — мысленно воскликнул Чэн Чэ, в очередной раз убедившись, что его предчувствия никогда не обманывают: этот человек ему категорически не нравился!

26. Оживший эрху

— Пф, — Лю Цзин не удержалась и прыснула со смеху. Разозленный Чэн Чэ не представлял абсолютно никакой угрозы: его миловидное личико покраснело от гнева, и выглядел он весьма забавно. Вовремя совладав со своими эмоциями, Лю Цзин принялась объяснять всё это парню, который сутками напролет был глух к сплетням великих кланов: — Братец, не сердись. Братец Хаожань — фанат дяди Чэна.

— И что с того? — Чэн Чэ не совсем уловил смысл слов Лю Цзин.

— Дядя Чэн из-за твоих выходок немало понервничал...

Чэн Чэ потерял дар речи, мысленно дорисовав то, что Лю Цзин постеснялась произнести вслух:

— Так он меня на дух не переносит?

Заметив кивок Лю Цзин, Чэн Чэ закрыл лицо руками. Раз уж Лу Хаожань — фанатик Чэн Шана, а Чэн Чэ заставляет Чэн Шана трепать себе нервы пачками, то в глазах Лу Хаожаня Чэн Чэ был лишь раздражающей пиявкой, которая отвлекает его кумира от дел, доставляет хлопоты и никого не слушает. Вот почему Лу Хаожань и невзлюбил Чэн Чэ... Что за бред вообще, и какая дурацкая причина!

— Появилась цель задания, — неспешно подкинул проблем Муту, вставляя свое слово и напоминая: — Это только что прошедший человек.

То, что Лу Хаожань не переносил Чэн Чэ, вовсе не означало, что весь Клан Лу разделял его антипатию. Лу Синжань прибыл на мгновение позже Лу Хаожаня, и судя по всему, они ехали не вместе, а просто случайно совпали по времени. Увидев, что его собственный младший брат умудрился разозлить наследника Клана Чэн, Лу Синжань тут же с жаискивающей улыбкой потерся рядом. Чэн Чэ с лицемерием на лице подыгрывал ему, а в душе ядовито ухмылялся: этот Лу Синжань с первого взгляда казался алчным до славы и власти человеком — сразу видно, что он всё еще точит зуб на место главы Клана Лу.

Хотя пост главы клана главным образом зависел от музыкального мастерства, разумеется, далеко не только от него. Иначе, если бы наследником великого клана стал какой-нибудь оторванный от земной жизни мастер музыки, он бы непременно пустил по ветру всё семейное достояние. Так что при грамотном подходе у Лу Синжаня вполне были шансы побороться за позицию главы. Вот только шансы эти были весьма призрачными.

Стоило ему наконец-то отделаться от изо всех сил завязывающего связи Лу Синжана, как тут же пожаловал тот, кого Чэн Чэ терпеть не мог еще сильнее.

Цзин Шуанъюэ явилась в сопровождении двух младших братьев.

Окинув взглядом прибывших и убедившись, что все в сборе, Чэн Чэ кивнул Лю Цзин и шмыгнул внутрь. Хм, он должен первым делом встать на страже возле Цинь Цинъюэ, пока к тому снова не привязалась эта девица с синдромом принцессы.

В банкетном зале кучками собирались люди, тихонько переговариваясь между собой. Почти никто не притрагивался к изысканным закускам — большинство просто держали в руках бокалы, лишь изредка пригубляя вино, ведь подобные мероприятия устраивались вовсе не для того, чтобы набить желудок.

Чэн Чэ обвел зал взглядом и первым делом отыскал Гу Чэня. К его удивлению, Гу Чэнь весьма оживленно беседовал в самом углу с одним из наследников Клана Саксофона. Хотя причины были неясны, Чэн Чэ испытал искреннюю радость: он-то переживал, что Гу Чэнь никого не знает и будет чувствовать себя не в своей тарелке. Цинь Цинъюэ и Гу Чэнь друг друга на дух не переносят, так что просить Цинь Цинъюэ позаботиться о душевном комфорте Гу Чэня было равносильно чистой фантастике. Убедившись, что Гу Чэнь в его опеке явно не нуждается, Чэн Чэ с легким сердцем променял дружбу на романтику и прямиком направился к Цинь Цинъюэ.

Цинь Цинъюэ сидел за маленьким круглым столиком — в руке у него не было бокала с вином, вместо этого он пил чай. По одну сторону от него сидел незнакомец, судя по всему, прибывший в свите кого-то из младших господ великих кланов, а вот по другую... сидел Лу Хаожань! Каким ветром их занесло за один стол? Прошло всего ничего, неужели они были знакомы с давних пор?

Чэн Чэ быстрыми шагами подошел к Цинь Цинъюэ, отодвинул стул вплотную к нему и грубо, без всяких церемоний вклинился в разговор:

— О чем болтаете?

А рукой под столом тайком ущипнул Цинь Цинъюэ за бедро, выражая свое недовольство.

— Хм! — этот полный презрения холодной фырк, разумеется, принадлежал Лу Хаожаню — на физиономии этого типа было буквально написано, как сильно он презирает Чэн Чэ.

— Лу Хаожань, это что еще за звуки? Кажется, ты чертовски мной недоволен? — Чэн Чэ тоже не был мягкотелой грушей, которую можно безнаказанно тискать. Если бы не требования Системы, заставляющие его продолжать ломать комедию, он бы давно схватил Цинь Цинъюэ за руку и утащил прочь. Больше всего на свете он ненавидел вот таких возомнивших о себе выскочек!

— Сам знаешь, чего тогда крутишься рядом? — это был первый раз, когда Чэн Чэ услышал от

Лу Хаожаня цельную фразу, и подумал про себя, что заставить этого павлина открыть рот оказалось не так уж просто, хоть слова его и звучали не слишком приятно.

— Не льсти себе, я вовсе не горю желанием любоваться твоей физиономией, — не остался в долгу Чэн Чэ и, протянув руку, указал на сидевшего рядом Цинь Цинъюэ: — Если бы не мой учитель Цинь, меня бы калачом сюда не заманила.

Сказав так, Чэн Чэ выразительным взглядом пригрозил Цинь Цинъюэ: мол, посмей только встать не на ту сторону — и тебе не поздоровится.

Цинь Цинъюэ был знаком с Лу Хаожанем всего ничего, просто они сошлись характерами, поэтому и перекинулись парочкой лишних слов. Но судя по тону Чэн Чэ, между ним и Лу Хаожанем существовали какие-то давние счеты, и Цинь Цинъюэ, разумеется, сразу же встал на сторону своего возлюбленного. Его тон мгновенно стал вежливым и отстраненным:

— Интересно, какие же недоразумения возникли у молодого господина Лу по отношению к Чэ-эр?

Увидев, как Цинь Цинъюэ меняет отношение едва ли не по щелчку пальцев, с легкостью поворачиваясь к нему спиной, Лу Хаожань недовольно нахмурился:

— Чем хорош этот никчемный ублюдок? Почему вы все как один так за него заступаетесь?

Тут уж Цинь Цинъюэ окончательно помрачнел лицом. Но прежде чем он успел вымолвить хоть слово, Чэн Чэ опередил его: вскочив на ноги и ударив ладонью по столу, он был готов в любой момент сорваться и полезть в драку:

— Выражайся яснее! Кто тут никчемный ублюдок?!

— Ха! На собственное наследие забил, бросил фундаментальное ради модных нынче побрякушек для масс! Назвать тебя никчемным — это еще сделать тебе комплимент!

<http://bllate.org/book/21663/2235259>